

Лишь бы оставаться рядом со вторым братом, видеть его, касаться его, слышать его — и я буду счастлив. То, что случилось тогда, хоть и было вынужденным, я ни о чём не жалел; даже если в будущем меня жмёт участь тысячи порезов, даже если придётся умереть сто раз, я всё равно не пожалею об этом.

Я выпалил всё на одном дыхании и сам испугался, что сболтнул столько лишнего. Посмотрев на Шэнь Дули, я заметил, что он сидит неподвижно, словно зачарованный, и в душе его явно шевельнулось какое-то осознание.

Наступила ночь, неожиданно пошёл дождь. Я не мог уснуть, думая, что Су Мучэн, пожалуй, скоро объявится, и на сердце было тревожно и беспокойно. Шэнь Дули, похоже, тоже не спал: прислушавшись, я услышал из соседней комнаты шаги. Казалось, его терзали какие-то заботы, и до меня донеслись его бормочущие слова:

Я хочу, чтобы второй брат всю жизнь оставался таким чистым, пусть даже немного наивным. То, что второй брат сможет сделать сам, пусть делает, а чего не сможет — я сделаю за него. Лишь бы оставаться рядом со вторым братом, видеть его, касаться его, слышать его — и я буду счастлив.

Он повторял мои дневные слова! И тут же услышал, как он продолжает:

Он оказался способен на такую глубокую привязанность... Неужели я ошибся? Разве я поступил неправильно?

В груди заворочалась тревога: он ведь говорил обо мне, верно? Что же он затеял на самом деле?

Если всё обстоит так, как я думаю, на самом деле он вовсе не хотел передавать меня Князю Аньпину. Неужели он просто ждал прихода Су Мучэна? Даже если бы в тот день я не уничтожил собственное кунг-фу своими руками, он всё равно стал бы тянуть время.

И зачем мне только горевать? Шэнь Дули точно такой же, как я: такой же фальшивый, такой же эгоистичный и готовый на любые средства ради достижения цели.

Снова уходить? Как же всё-таки не хочется с ним расставаться, усмехнулся про себя я.

Я вдруг громко вскрикнул, и Шэнь Дули тут же вихрем влетел в комнату.

Мужань, что с тобой? Тебе плохо?

Я крепко сжал зубы, но не мог унять мелкую дрожь, лицо моё покрылось холодным потом, а взгляд остекленел.

Мужань, Мужань, где болит?

И, всхлипнув, я разрыдался, бросаясь ему на грудь:

Мне приснился второй брат, второй брат он...

Не бойся, Мужань, не бойся. Ничего не случится, я побуду с тобой.

Но мне всё равно... Дули, побудь со мной, поговори со мной, хорошо?

Хорошо.

Мы легли на кровать, и Шэнь Дули, видя, что меня всё ещё колотит, мягко прижал меня к себе. Нежность этого человека и впрямь способна отравить душу, даже когда точно знаешь, что она фальшива.

А любил ли кого-нибудь Дули?

С чего это ты вдруг вспомнил?

Дули такой прекрасный, у тебя наверняка было много поклонников, но интересно, кого же по-настоящему любит Дули?

Кого люблю я? Я люблю... — он улыбнулся. В темноте его лица было не разглядеть, но, должно быть, улыбка эта была невероятно красива.

Пользуясь тем, что он погрузился в воспоминания и потерял бдительность, я молниеносно взмахнул рукой и запечатал его точки ци.

Наверное, его ошеломлённое выражение лица тоже выглядело прекрасно? Я радостно поднялся с постели.

Зажегши лампу, я собрал все свои вещи, а затем снова посмотрел на него: в его глазах не было ненависти — лишь одна горькая печаль.

Одержав победу с первой же попытки, я пребывал в великолепном расположении духа и с улыбкой произнёс:

Удивлён, Дули? Ты ведь наверняка проверял меня и знаешь, что я действительно сам уничтожил своё кунг-фу, но всего через несколько дней силы вернулись, да и внутренняя энергия стала словно бы даже крепче. Впрочем, с твоим умом ты до всего додумаешься быстро, так что я не стану тратить время. Дули, ты ведь любишь Князя Аньпина, верно? Иначе с твоим характером стал бы ты добровольно унижаться и прислуживать другим. Не переживай, Дули, я не люблю князя, да и князь, пожалуй, не сказать чтобы сильно любит меня — напротив, мне кажется, князь души не чает в тебе. Время позднее, так что Мужань вынужден с тобой попрощаться. Надеюсь, Дули, твои заветные желания исполнятся как можно скорей.

В его глазах сменялись бесчисленные выражения, и он смотрел на меня пристальным, полным тревоги взглядом, словно желая что-то сказать. Я лишь усмехнулся ему, махнул рукой и подумал про себя: Этот человек слишком хитер, убираться отсюда нужно поскорее, и повернулся, чтобы уйти.

Шагая под дождём, я чувствовал себя невероятно тяжело.

Эти дни рядом с Шэнь Дули заставили меня тревожиться о судьбе второго брата. Если бы второй брат сошёл в битве с Чу Фэнляном, каким бы ни был исход, в цзянху уже поднялся бы невероятный шум. Я ведь специально просил Шэнь Дули провести меня по оживленным улицам, к шумным постоянным дворам, но не услышал ни единого слуха. Боюсь, второго брата... боюсь, его схватили. Остается надеяться, что Су Мучэн и впрямь сдержит слово и не причинит второму брату вреда. Но если дело обстоит так, Су Мучэн мог бы просто пригрозить мне вторым братом, и я бы послушно сдался. Однако он этого не сделал — неужели он хочет поймать меня лично, словно кошка, играющая с мышкой, и только вдоволь наигравшись, нанесет удар?

Шэнь Дули снова оказался обманут мной: в прошлый раз мой обман был направлен против всех

окружающих, но теперь удар пришелся исключительно по нему. Наверняка теперь он меня возненавидел. Он говорил, что я — его родственная душа, но разве за всё это время я сам не считал его близким другом? Найти в жизни хоть одного истинного единомышленника — уже великое счастье, и в этом мире к нему должно относиться как к родному брату, но мы... При этой мысли прежняя боль вновь острой волной подступила к горлу. Я горько усмехнулся: впрочем, его винить не стоит. Князь Аньпин и Су Мучэн рано или поздно нас найдут, а пока я рядом со вторым братом, у Князя Аньпина будет шанс прибрать меня к рукам. Для людей, привыкших быть сильными, грабёж и насилие — вещи естественные. Они наверняка скажут: Кто виноват в том, что ты слаб? Если не можешь защитить своё, значит, не достоин этим владеть. Точно так же Су Мучэн поступил со вторым братом на Вилле Опадающих Вершин. Должно быть, боль и гнев, которые испытал тогда второй брат, невозможно описать словами.

Сначала Шэнь Дули найдет меня — это покажет, что он приложил усилия. Затем позволит Су Мучэну вырвать меня у него из рук. Су Мучэн обладает огромной властью и решил заняться этим лично, так что поражение Шэнь Дули будет выглядеть вполне естественным. Так он сможет отчитаться перед Князем Аньпином. Возможно, он даже скажет ему: Шэнь Дули бессилен, я осквернил доверенное мне поручение, прошу князя наказать меня.

Шэнь Дули обладает обликом небожителя, и, быть может, ему придётся даже получить лёгкое ранение. Князь Аньпин будет слишком обеспокоен его состоянием, чтобы наказывать. А как только я окажусь в руках Су Мучэна, Князь Аньпин может больше не беспокоиться.

К тому же, оказав такую услугу Черному Замку, Шэнь Дули сделает так, что Черный Замок не станет враждовать с Поместьем князя Аньпина.

Какой искусный план. Но что насчёт меня и второго брата? Кому есть дело до наших чувств? Неужели слабые должны быть принесены в жертву?

Неужели теперь, когда всё зашло так далеко, нам действительно не сбежать?

Даже зная, что поражение неизбежно, я не могу просто сложить руки и позволить себя схватить.

Шэнь Дули наверняка уже догадался, что я практикую Божественное Искусство Свадебного Наряда. Изначально у меня не было ни малейшего интереса к боевым искусствам, но второй брат с таким воодушевлением хотел меня обучить, что я не посмел отказать и принял за учёбу. Однако я родился со слабым телосложением и был очень ленив, поэтому никак не мог добиться успеха. Когда главная госпожа пыталась навредить мне несколько раз, я не мог ей ответить. В те времена второй брат был ещё слишком молод и слаб, чтобы противостоять главной госпоже, поэтому лишь усерднее заставлял меня тренироваться, чтобы у меня была хоть какая-то способность защитить себя, или хотя бы — сбежать.

Второй брат был ко мне необычайно добр, но в вопросах тренировок проявлял крайнюю суровость. Однажды я по неосторожности получил травму, и вместо утешения второй брат отчитал меня. Охваченный невыносимой обидой, я закричал, обливаясь слезами: Больше не

буду тренироваться! Даже если умру — не буду! Я ненавижу второго брата!

Второй брат очень разозлился и, развернувшись, ушёл. Мне стало ещё горше — больнее, чем когда меня была мать, чем когда отец игнорировал меня, чем когда главная госпожа едва не свела в могилу. Я просто плакал.

В конце концов, второй брат не смог вынести моих страданий, вернулся, обнял меня и извинился: Это моя вина. Телосложение Су Мужаня от природы не подходит для боевых искусств. Вيني лишь мою беспомощность — я не смог защитить тебя, мой малыш. Это был первый раз, когда он назвал меня малышом.

Я умолял второго брата больше не заставлять меня тренироваться, и он вздохнул: Я больше не буду тебя принуждать. С тех пор он действительно оставил меня в покое, и я учился лишь тем несложным приёмам, которые сам просил его показать, когда у меня появлялось желание.

В тот день он ещё сказал: Говорят, в мире существует такое искусство, как Божественное Искусство Свадебного Наряда. Если освоишь его, можно передать всю мощь другому человеку. Вот бы я владел этим мастерством. Я бы довел его до совершенства, а потом передал тебе, малыш. Тогда тебе не пришлось бы тренироваться, чтобы защитить себя.

Я ответил: Если Божественное Искусство Свадебного Наряда существует, пусть лучше я буду его изучать. Мои навыки всё равно никудышные, и внутренняя сила мне без пользы. Когда я освою его, то передам тебе, второй брат, и тогда тебе больше не придется никого бояться. А под защитой второго брата и я никого не буду бояться.

Второй брат покачал головой: Ни в коем случае. Говорят, изучать Божественное Искусство Свадебного Наряда — невыносимо больно.

Кто бы мог подумать, что вскоре я найду книгу с этим искусством в библиотеке отца и начну тренироваться тайком. Тогда мне было девять лет.

Божественное Искусство Свадебного Наряда подразумевает смысл поговорки: шить свадебный наряд для другого. Как только начинаешь практиковаться, чувствуешь, что истинная ци становится свирепой, как пламя. Чем дольше тренируешься, тем сильнее боль. Дни и ночи я страдал от этого жара, но применить силу по своей воле никак не мог. Если бы я делал это ради себя, то давно бы сдался, но ради второго брата я стискивал зубы и продолжал.

В те дни я часто болел, и каждый раз второй брат обнимал меня, не сомкнув глаз всю ночь. Однажды я был на грани смерти, и второй брат не ел и не пил, оставаясь рядом со мной. Когда я поправился, он сам едва не слёг от истощения.

Позже вторая госпожа, желая навредить мне, заставила выпить Порошок, Рассеивающий Силу. Это лишило меня возможности практиковаться. Я был глубоко опечален, но в то же время почувствовал облегчение, что больше не придется терпеть муки тренировок. Однако к своему

удивлению, вскоре я обнаружил, что внутренняя сила всё ещё осталась, и теперь я мог свободно управлять ею, а Божественное Искусство Свадебного Наряда больше не причиняло боли.

Я был в полном замешательстве и лишь после тщательного изучения открыл секрет этого искусства.

Оно оказалось слишком яростным и мощным — никто не мог выдержать его до конца. Говорят: чтобы воспользоваться плодами, нужно сначала сломить острие. Чтобы овладеть этим искусством, нужно, достигнув шестидесяти-семидесяти процентов успеха, полностью рассеять свою силу и начать тренироваться заново.

Порошок, Рассеивающий Силу второй госпожи невольно помог мне — он притупил остроту Божественного Искусства Свадебного Наряда, при этом усилив его мощь. Жаль только, что я тренировался слишком мало, и моей силы оказалось недостаточно, чтобы извлечь из этого большую выгоду. Боясь, что вторая госпожа помешает мне, я продолжал практиковаться тайно, не осмеливаясь рассказать даже второму брату. Я собирался, как только завершу тренировку, передать всю силу второму брату, но не ожидал, что это искусство окажется настолько трудоемким. На момент, когда мне пришлось отказаться от своей внутренней силы на глазах у Шэнь Дули, я достиг лишь сорока процентов мастерства. Поскольку я уже однажды проходил через это, меня терзали опасения, что после повторного лишения сил я уже не смогу восстановиться. Однако ситуация была критической, и мне пришлось пойти на риск. К счастью, моя мощь не только вернулась, но и значительно возросла. Знай я об этом заранее, стоило избавиться от силы несколько раз еще тогда.

Как только я снова увижу второго брата, я передам ему свою силу. Достаточно ли этого, чтобы помочь ему одолеть Су Мучэна?

То, как Шэнь Дули смотрел на меня мгновение назад — что означал этот взгляд? Что он хотел сказать? При его уме он наверняка догадался обо всем. Да, в нем не было удивления — возможно, поначалу оно и промелькнуло, но потом его глаза... Почему в них читались такая печаль и тревога? При его характере он встретил бы даже смерть с невозмутимым спокойствием. О чем он беспокоился? О чем горевал? Было ли это лишь уловкой, чтобы заманить меня в ловушку?

Только этого я не мог понять, да и времени на размышления не оставалось.

Я не смел медлить ни секунды и поспешил на юг. И правда, стоило мне только расстаться с Шэнь Дули, как за мной тут же началась погоня. Преследования были на редкость яростными и стремительными, казалось, враги бросили в бой все свои силы: тут были и люди из Черного Замка, и люди из Поместья князя Аньпина — они объединили усилия. Различные крупные и мелкие школы цзянху и даже правительственные чиновники, прознав об этом, присоединились к облаве. Хотя сами по себе они не представляли серьезной угрозы, эта возня ужасно раздражала и мешала мне передвигаться быстро. Впрочем, Су Мучэн и князь Аньпин на глаза не показывались, как и Шэнь Дули.

В окрестностях города Уси я столкнулся с Чу Фэнляном. В тот момент я был загримирован под старуху, но он раскусил меня с первого же взгляда — должно быть, Шэнь Дули заметил мою оплошность и рассказал ему. Когда я использую искусство маскировки, то, чтобы свои могли меня узнать, всегда оставляю одну маленькую зацепку. Каким бы ни был мой облик, я всегда рисую у края губ крошечную красную родинку. Поскольку губы и так красные, без внимательного осмотра её совершенно невозможно заметить.

Однако Шэнь Дули отличался редкой наблюдательностью, к тому же он уже видел меня в образе Хун-эр и её двоюродного брата. Должно быть, он давно раскрыл этот секрет, а я, потеряв бдительность, совершенно забыл об этом, в результате чего и был разоблачен Чу Фэнляном.

Поняв, что дело плохо, я бросился в атаку, не давая ему ни секунды на передышку. Но, к моему удивлению, даже несмотря на то, что моя внутренняя энергия значительно возросла, я все еще сильно уступал ему в мастерстве. Боюсь, даже если бы вся эта мощь досталась второму брату, толку было бы мало.

Чу Фэнлян явно не желал ввязываться в затяжную схватку. Увидев, что я начинаю выдыхаться, он произнес:

— Прошу, третий молодой господин, остановитесь. Мне нужно кое-что вам сказать.

Я отпрыгнул на несколько шагов назад и, настороженно глядя на него, украдкой потянулся к поясу, где у меня была припрятана громовая бомба. Чу Фэнлян, увидев мое движение, вскричал:

— Не двигайся!

Он снова атаковал ладонью. Мысленно я подумал: «Какая жалость», но выбора не было, пришлось принимать бой. Не прошло и мгновения, как под его натиском у меня перехватило дыхание.

Понимая, что так мне вряд ли удастся сбежать, я решил идти ва-банк. Перейдя на стиль боя, ведущий к взаимному уничтожению, я перестал заботиться о собственной безопасности и перешел в яростную атаку. Чу Фэнлян действительно не осмелился давить слишком сильно: он резко выбросил ладонь и снова закричал:

— Остановись! Я не хочу причинять тебе вреда.

Разве мог я остановиться? В тот самый момент, когда он наносил удар, я подставил под удар свои уязвимые точки. Сильно испугавшись, он поспешно отдернул руку, а я воспользовался моментом и швырнул громовую бомбу. Раздался оглушительный грохот, клубами повалил густой дым, и я бросился вперед. В этом дыме содержалось снотворное, так что какое-то время преследовать меня он не сможет.

Рассвело. Теплые лучи солнца пробивались сквозь трепещущую листву и падали на тело, прогоняя ночной холод.

Я потянулся затекшим телом, не спеша подниматься. С того момента, как взошло солнце, и до

сих пор мило два часа, и мимо моих ног прошло уже семь групп — всего тридцать шесть человек. Все они были одеты с иголки, двигались ловко и стремительно, а лица их выражали праведность — судя по всему, это были представители семи великих сектак, стоящих на страже справедливости боевых искусств. Каждый из них жаждал поймать «злодея» Су Мужаня по приказу хозяина Черного Замка, чтобы раз и навсегда заявить о себе в мире цзянху и прославиться на весь мир.

Самое смешное, что они понятия не имеют, что хозяина Черного Замка зовут Су Мучэн и он приходится старшим братом тому самому «злодею» Су Мужаню. Слушая, как они наперебой гадают о внешности Су Мужаня, я должен признать: те образы, которые они описывали, были куда ярче любого маскарада, что мне доводилось принимать. Вот они какие — так называемые праведные секты благородных семей.

А я? Горные тропы перешагнуть трудно, и кто пожалеет путника, сбившегося с пути?

Я прислонился к дереву, молча наблюдая, тихо слушая и беззвучно улыбаясь.

Вчерашнее выражение лица Чу Фэнляна было каким-то странным. Во взгляде, которым он смотрел на меня, не было той ярости и остроты, что сквозила в его прошлых словах: «В следующий раз, когда встретимся, я лишь попрошу тебя о быстрой смерти». Казалось, он куда-то жутко спешил — неужели потому, что я не дал ему возможности открыть рот и высказаться?

Раз уж он сумел раскусить мою маскировку, значит, определенно общался с Шэнь Дули. Наверное, он хотел сказать то же самое, что и Шэнь Дули? Только вот тогда я почему-то внезапно не захотел слушать.

Почему они так спешат? Загнанная в тупик бродячая собака здесь ведь я, верно? Вспоминая, как в тот день Шэнь Дули беззаботно стоял у порога, вспоминая его улыбку, его слёзы, его непревзойденную грацию — тогда он вовсе не спешил. Выходит, всё началось с того момента, как я запечатал его точки ци?

Судя по виду Чу Фэнляна, второй брат находился не у него.

Где же тогда второй брат? Почему от него нет ни весточки?

А где Су Мучэн? Он не появился так, как я предполагал. Говорят, князь Аньпин тоже объявился в Цзянху, и Шэнь Дули вернулся к нему? Но раз они оба не пришли меня схватывать, остается лишь одно — второй брат. Они отправились расправляться со вторым братом.

Второй брат... Сердце моё пропустило удар, и все неразрешимые вопросы вмиг прояснились. Неужели именно это Шэнь Дули хотел, чтобы я понял?

Окрестности Сучжоу.

Ноги больше не шли. В тот день, когда я уходил из Чанчжоу, пошел дождь, а вдобавок к нему — дни напролет в бегах, ни минуты покоя. Мое тело достигло предела.

Отдохну немного и отправлюсь в Сучжоу. Как же хочется нормально вымыться, поесть и как следует выспаться.

Я уселся на большой камень у дороги, чувствуя, как в глазах темнеет, во рту пересохло, а во всем теле пропала всякая сила. Кое-как добравшись до ручейка, я попытался напиться воды, но ноги внезапно подкосились, и я рухнул прямо в поток.

До чего же жалкий вид, горько усмехнулся я, и просто лег в воду, закрывая глаза, позволяя прохладному ручью смыть с меня всю дорожную пыль и зной.

Стоило мне снова открыть их, как у ручья уже стоял прямой силуэт, молча глядя на меня.

Я не шевельнулся и с легкой улыбкой произнес:

— Хочешь посмотреть, как я купаюсь, Фэнци? Герой Чу, скажи, красивое у тебя имя — Фэнци?

— Третий молодой господин заболел.

Всё тот же. Словно золота жалеет. Я снова улыбнулся — до чего же скучный человек.

— И то верно, во всем виноват Фэнци, что явился так поздно. Я ведь всё это время ждал тебя.

Мужественные брови сошлись на переносице, но он ничего не ответил.

— Я совсем не могу двигаться, что же делать? Разве что Фэнци поднимет меня на руки.

Едва смолкли мои слова, как меня действительно подхватила мощная сила, тело взмыло в воздух и опустилось прямо на руки Чу Фэнци.

— Прекрасное кунг-фу, — похвалил я.

Однако от этого движения в голове зашумело еще сильнее. Закрыв глаза, я весь мокрый прижался к его груди, сознание постепенно меркло. Тело у него было поистине каменным, но при этом удивительно теплым.

Когда я очнулся, я уже лежал в комнате. На вид стояло утро, неужели я проспал целые сутки? Тело не слушалось — точки были запечатаны. Неужели даже в таком состоянии, когда я тяжело болен, они всё еще не могут успокоиться?

Дверь отворилась, и вошел Чу Фэнлян. Значит, он тоже здесь. Восстановился довольно быстро, должно быть, носил противоядие с собой.

— Третий молодой господин чувствует себя лучше?

— Гораздо лучше, благодарю за заботу. Это ведь Фэнци принес меня сюда? Почему его не видно?

— Мой младший брат отправился за повозкой. Мы отправляемся в путь немедленно, прошу третьего молодого господина простить.

Он наклонился, собираясь поднять меня.

— Но я еще ничего не ел, я так голоден.

Его рука замерла.

— Прошу третьего молодого господина немного потерпеть, мы поедем в дороге.

— Я хочу, чтобы меня носил Фэнци. И кормил тоже он.

Его кулаки сжались:

— Мой младший брат простодушен и не силен в словах, прошу третьего молодого господина не издеваться над ним. Если младший брат в чем-то перед вами провинился, Фэнлян приносит извинения за него.

— Выходит, ты хочешь носить меня на руках? Хочешь сам кормить меня?

Сквозь зубы:

— И что с того, если я?

Я улыбнулся и неторопливо произнес:

— Мужань будет до глубины души тронут и впоследствии доложит старшему брату, что герой Чу всю дорогу обращался с Мужанем из рук вон хорошо: лично носил на руках и кормил с ложечки, наотрез отказываясь перепоручить это кому-либо другому.

Лицо Чу Фэнляна исказилось. Он так и застыл на месте, сверля меня яростным взглядом, но не находя слов.

Дверь распахнулась, вошел Чу Фэнци. Бросив взгляд на Чу Фэнляна, он молча поднял меня на руки и вынес наружу, бережно устроив в повозке. Чу Фэнлян молча последовал за ним и сел на облучке.

Я подмигнул Чу Фэнци и сладко протянул:

— Фэнци, я проголодался.

Тело только что усевшегося Чу Фэнляна мгновенно напряглось. Он обернулся и бросил на меня свирепый взгляд, словно предупреждая, чтобы я не зарился на Чу Фэнци. Я подмигнул и ему, одарив слабенькой улыбкой, отчего он вспыхнул и тут же отвернулся.

Чу Фэнци взял еду и принялся кормить меня, действуя на удивление аккуратно. Хоть на его лице по-прежнему не было ни единой эмоции, мне почему-то казалось, что он едва заметно улыбается. Верно, смотреть, как обычно острый на язык и самоуверенный хлыщ Чу Фэнлян садится в лужу, и впрямь забавно.

Впрочем, я довольно быстро пожалел, что позволил кормить меня именно Чу Фэнци: когда дело дошло до пиалы с горьким отваром, он проявил не меньшую непреклонность.

Жалким взглядом я уставился на Чу Фэнци и с кислым выражением лица выпил лекарство до последней капли, не оставив на дне ни осадка.

Чу Фэнлян громко рассмеялся, но все же достал леденец и сунул мне в рот. В этот момент мне показалось, что он не такой уж и противный, и мне даже стало чуточку стыдно продолжать издеваться над ним.

Когда я покончил с лекарством, улыбка на лице Чу Фэнляна исчезла, и он произнес серьезным тоном:

— Третий молодой господин, господин Шэнь просил передать вам одно слово.

Я вздохнул:

— Чу... Фэнлян, в тот день я не хотел слушать, незачем слушать и сегодня. К чему тебе снова заводить об этом речь?

Чу Фэнлян пристально посмотрел на меня:

— Это моя вина. Третий молодой господин умнейший из людей, разве вы могли не знать?

Я ответил ему столь же долгим взглядом:

— Старший брат вернулся в Черный Замок?

<http://bllate.org/book/21137/2144047>